

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ 1920-х гг.

В статье на основании опубликованных источников, материалов печати и архивных документов рассматривается проблема рецепции советской праздничной культуры 1920-х гг. «Красные» революционные торжества неоднозначно воспринимались и оценивались современниками: диапазон мнений колебался от однозначного принятия до полного отрицания. Выявлению причин появления столь разных мнений, их характеристики и анализу и посвящена данная работа.

Ключевые слова: советская праздничная культура, праздничный календарь, общественное мнение.

Революционный слом, начавшийся в России в 1917 г., требовал не только внешнего воплощения, но и особого метафорического обобщения, закрепляющего свершившиеся перемены в общественном сознании. И одним из способов достижения этого было создание новой праздничной культуры. Советские власти, изменяя календарь, рассчитывали с помощью составляющих его «красных дат» преобразовать духовные основы общества, внедрить в жизнь свои ценности и идеалы. Но простого назначения «красных» дат было недостаточно, праздники должны были быть приняты обществом. В рамках данной работы мы постараемся рассмотреть особенности восприятия советской праздничной культуры 1920-х гг., взглянув на этот феномен глазами участников и зрителей торжеств тех лет.

Первым праздником, проведенным в Советской России, был Первомай 1918 г., отмеченный митингами и манифестациями, показом кинофильмов и спектаклей, концертами и народными гуляньями [16. С. 10-11; 18. С. 20]. Подобный церемониал впоследствии станет типичным для всех советских торжеств, однако тогда он в полном объеме был воспроизведен впервые и оценивался современниками как наиболее соответствующей революционному времени. «Незабываемым» называл это празднование симбирец Б.Н. Чистов, впервые участвующий в маевке [22. С. 38].

Идеологи новой власти и ее активные сторонники всячески превозносили это торжество. П.Д. Мальков писал: «Впервые День международной солидарности трудящихся встречал свободный народ свободной страны, навеки скинувший ярмо помещичье-капиталистического гнета» [14. С. 169-174]. К. Шелавин отмечал: «Нигде и никогда не праздновался день Первое мая так, как в советской России в 1918 г.» [23. С. 76-78]. Схожую мысль высказал и А.В. Луна-

* © Деканова М.К., 2009

Деканова Марьяна Кабаровна — кафедра истории отечества Самарского государственного университета

чарский, считающий, что «никогда еще этот праздник труда не выливался в такие красивые формы» [11. С. 212].

Но далеко не все оценки этого праздника были сделаны в таких возвышенных тонах. В одной из газет можно было прочитать: «Празднование Первого мая в настоящем году в России носило явно государственный характер, является казенным, принудительным праздником, организованным по приказанию свыше, по повелению власти, которая хочет превратить этот праздник борьбы за освобождение трудящихся в день ликования в честь своей временной победы. И велит власть праздновать его не скромно, как всегда, а с шиком и блеском, с триумфом, который не отвечает переживаемому грозному историческому моменту, а рассчитан только на то, чтобы этой внешней яркой драпировкой скрыть от очей трудового народа трагическое положение вещей» [15. С. 174-175]. Свои воспоминания об этом дне оставил и А.Ф. Керенский. Тайно находясь в этот момент в Петрограде, он «услышал с улицы звуки военного оркестра и нестройный гул голосов»: «По улице двигалась жиденькая толпа угрюмых людей, “отмечавших” день 1 Мая. Над головами рабочих реяли знамена, однако в самой демонстрации не чувствовалось истинной праздничности. Ничто не говорило о радости победившего пролетариата» [7. С. 337].

В провинции праздник также воспринимался неоднозначно. В Вологде, например, Первомай прошел достаточно спокойно, и несмотря на то, что местные власти позаботились об организации праздничных мероприятий, большого количества участников они не собрали. Это позволило одному из вологжан сделать вывод: «Вот и все: хватило одного года революции, чтобы все пресытились праздником Первого мая! Праздник, который... пришелся на день православного Святого четверга, был осужден Патриархом, и толпа верующих, выходявших с вечерней службы со свечами в руках, странно контрастировала со скудной иллюминацией официального торжества. Русская душа еще верна своим традициям, и, если принимать во внимание большевиков и попов, то этим вечером верх одержали попы!» [5. С. 171-172]. В Самаре же празднование этого дня имело как религиозную, так и политическую окраску. Во время демонстрации помимо транспарантов, содержащих надписи пробольшевистского характера, некоторые из участников несли флаги с лозунгами в защиту Учредительного собрания и с критикой местной администрации [19], на митингах звучали слова осуждения деятельности новой власти, которую один из ораторов определил как «комиссародержавие» [17. С. 102-103].

Итак, рассмотрев лишь один «красный праздник», видно, с каких разных позиций он оценивался, какие противоположные чувства и настроения он вызывал. С чем это связано?

Для многих россиян годы революции были окрашены не в темные тона, а, наоборот, полны ярких красок и светлых воспоминаний. По мнению А.И. Мазаева: «На глазах поколения и при его участии впервые за всю историю человечества совершался процесс перехода социализма из утопии в “простое делаемое дело”... Это воздействовало ошеломляюще, пробуждало высокую эмоциональную настроенность, повышенную энергию, безмерность желаний. Это рождало революционный романтизм – состояние, отличающееся исключительной экспрессией интеллектуальных, психологических и эмоци-

ональных движений, состояние, опрокинувшее обычные представления об ограниченности человеческих возможностей, о скудости, будничности и прозаичности земного существования» [12. С. 18]. Именно «революционный романтизм» порождает истовую веру в новый мир и подталкивал людей прилагать все силы для его строительства. Это же чувство дарило людям и ощущение праздничности. А. Тодорский писал: «Наши прадеды, деды и отцы родились рабочими и прожили всю свою жизнь с согнутой спиной и опущенной головой.... Мы родились от рабов и тоже были рабами. И вот сейчас мы разобрались... Дети батраков, мы сейчас вольные люди. Мы начинаем жить по-новому, так, как надо жить человеку свободному и счастливому... Сегодня мы можем радостно сказать друг другу счастливое: “С праздником!”» [20. С. 66-69]

Вместе с тем изначально революционные советские праздники были чужими и непонятными для значительной части населения, и, пожалуй, мало кто, кроме самих большевиков, связывал с ними искренние чувства и готов был их тем или иным образом отмечать. Однако сами они были абсолютно убеждены в особом духе революции, правильности путей ее реализации и с радостью приветствовали все ее достижения, в том числе выраженные в виде праздников, в частности, именно как одно из подлинных достижений революции оценивает «народные празднества» П.М. Керженцев [8. С. 31].

И все же партийные деятели являлись лишь небольшой частью празднующих, они были ядром праздника, его организующей и управляющей силой; кто же тогда входил в колонны демонстрантов и митингующих, участвовал в других мероприятиях?

Прежде всего, это молодежь. Действительно, школьники и молодые ребята были одними из главных участников и зрителей советских торжеств; они могли без устали к ним готовиться, изготавливать украшения и декорировать школу, клуб или народом, сочинять и репетировать спектакли, с упоением маршировать по улицам и петь революционные песни. Каждое подобное действие было для молодого поколения в новинку, было запоминающимся и значимым. Например, для К.В. Говорушина одним из самых ярких моментов детства было празднование VII годовщины Октября, первой «осевшей» в его памяти: «Когда колонна... двинулась из ворот на улицу, во главе ее шли первые путиловские тракторы, потом несли знамена, а за ними бесконечным потоком шли люди с красными флажками и бантами. Я сидел на плече отца. Отсюда было видно море голов. Мне казалось, что не отец несет меня на своем плече. А все эти тысячи людей, весь “Красный путиловец”, затопивший улицу, несет меня на своих плечах.... Мне хотелось, чтобы демонстрация продолжалась вечно, никогда не кончилась, и чтобы всю жизнь нес меня этот величественный и мощный поток» [1. С. 3-4].

Конечно, праздники в сознании детей, особенно младшего возраста, оставляли отрывочные воспоминания, однако они были позитивно окрашены, что создавало благоприятные условия для закрепления уже не только внешней, атрибутивной стороны советской идеологии, но и ее внутренних, содержательных моментов, определенных постулатов и законов.

Эмоциональный подъем, которые давали праздники, ощущали не только дети. В. Кетлинская так описывает свое участие в демонстрациях: «Мы, молодежь, любили демонстрации, пели так, что садился голос, и норовили, торжественно пройдя мимо трибуны, застрять где-либо поближе к ней, что-

бы все увидеть, ничего не пропустить. Осознавали мы это или нет, но личное «я» растворялось в праздничном и трудовом многолюдстве, возникало «мы», то счастливое «мы» [9. С. 18].

Кроме молодежи и партийных функционеров, в праздниках наиболее часто принимали участие также военные и советские служащие. Однако относительно этих групп трудно сделать вывод об их однозначном принятии советских праздников. Многие из людей, которые присутствовали на торжественных митингах и демонстрациях, делали это не по зову сердца, «бывшегося в такт с революцией», а по принуждению. Уточнить, в каких случаях люди участвовали во многих мероприятиях добровольно, а в каких они побуждались к этому теми или иными формами воздействия, очень сложно. Рабочий (а равно и служащий, и советских чиновник, и военный, и представители средних городских слоев) мог, например, присутствовать на демонстрациях, остерегаясь быть причисленным к контрреволюционерам либо политически неблагонадежным. Он мог участвовать в них, привлекаемый их красочностью и зрелищностью, наконец, просто из любопытства [24. С. 14]. Н.П. Окунев, как раз и являющийся совслужащим, так отреагировал на проведение одного из советских праздников: «Приказано праздновать. Поминают пионеров русской революции, выступивших в Петрограде 9 января 1905 г...» [15. С. 254]. А в отчетах о прошедших праздниках в деревне, а эту тенденцию можно распространить и на города, можно прочитать, что местное население практически в них не участвовало, помимо советских служащих и школьных работников, которые «были обязаны это делать» [3. ФР-192. Оп. 1. Д. 30. Лл. 40, 55, 59]. Выделенные понятия «приказано» и «обязаны» показывают, что советские праздники пока еще не имели укоренения в сознании людей, и власть навязывала их силой, используя все доступные ей рычаги давления.

Действительно, значительная часть населения не понимала и не принимала «красных» празднеств. Причин этому существует несколько. Советские торжества создавались искусственно, как особые политические акции, идеологический посыл, революционная направленность и мировоззренческий пафос которых зачастую не были ясны простым людям. Слишком далеки они были от многих эпизодов мировой и российской истории, мифологизация которых была положена в основу календаря [13]. Кроме того, формат праздников, их церемониал строились на использовании опыта революционной борьбы, в которой отнюдь не все граждане России участвовали, отчего многие праздничные акции рассматривались как довольно экзотические.

Выявленные причины в той или иной степени относятся к горожанам, но в еще большей степени они характерны для жителей деревень. Патриархальный и консервативный уклад жизни крестьянства, построенный на традиционных, веками соединяющихся звеньях, крайне медленно пропускал внешние элементы [6. С. 301-302; 21. С. 115-119]. Так, один из самарских журналистов, отправившийся вместе с комсомольцами 1 мая 1923 г. в село Смышляевка, констатировал, что «пока еще крестьяне равнодушно смотрят на нашу группу: их не трогает пение Интернационала, они еще чужды 1 мая!» [10].

Несмотря на атеистическую агитацию и пропаганду «нового быта», деревня вплоть до 1930-х гг. сохраняла приверженность религиозным и народным праздникам, разнообразным местным обычаям [6. С. 301-302]. Крестьяне не считали революционные праздники своими, они рассматривали их как чуж-

дые, и легко от них отказывались. Тогда же когда они все-таки проводились, население мало принимало в них участие. Неприятие новых праздников могло облекаться как в пассивные, так и активные формы. Крестьяне могли не явиться на организованные митинги и собрания, но это могло быть расценено как саботаж, что могло повлечь некие действия властей и карательных органов. Поэтому крестьяне приходили на них, но не большими группами, или вообще посылали на эти мероприятия женщин или детей. Бывали случаи и бойкотирования «красных дней». Так, первомайское празднество 1924 г. в селе Сороковка Харьковской губернии было отмечено следующим инцидентом: местным кулаком А. Самофаловым был избит председатель КНС, который попытался в этот день запретить работу в поле, аргументируя это тем, что проходит пролетарский праздник. Ответом ему были следующие слова: «Я ваших праздников не признаю... А то я б тебе показал, какой нонче праздник, я б тебя из ярка живым не выпустил, знал бы, какой пролетарский праздник» [2. С. 147]. Конечно, подобное происшествие было скорее исключением, но и оно показывает, насколько советские праздники были чужими.

Подводя итоги, следует отметить, что восприятие советской праздничной культуры населением происходило постепенно и неравномерно. Сказывалось, что в 1920-х гг. в связи с послевоенными разрухой и голодом, распадом общественных связей различия между отдельными частями страны значительно усилились. Принципиально новым явлением стала неодинаковая приобщенность к новым веяниям (и советским торжествам в том числе): города и относительно крупные центры откликнулись на них гораздо быстрее, деревенская же среда мало или практически совсем не пропускала «чужих», «пришлых» компонентов культуры [4. С. 288]. Причем границу указанной «неравномерной приобщенности» можно провести не только в зависимости от территории: люди разных возрастов и социального положения также, естественно, осваивались в новых условиях по-разному; дифференцированно же они принимали и как советскую праздничность в целом, так и отдельные ее составляющие элементы.

Библиографический список

1. Говорушин, К.В. Я — с Кировского / К.В. Говорушин // Звезда. — 1974. — №11.
2. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. — М., 1998.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО).
4. Журавлев, С.В. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы / С.В. Журавлев, А.К. Соколов // Социальная история. Ежегодник. — 1997. — М.: РОССПЭН, 1998.
5. Зброшенныя в небытие: интервенция на Русском Севере (1918-1919) глазами ее участников. — Архангельск: Правда Севера, 1997.
6. Иникова, С.А. Советские праздники в деревне в 1925 году (по письмам крестьян в «Крестьянскую газету») / С.А. Иникова // Русские народные традиции и современность. — М., 1995.
7. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары / А.Ф. Керенский. — М.: Республика, 1993.

8. Керженцев, В. Культура и советская власть / В. Керженцев. – М.: Издательство ВЦИК Советов Р., С., К. и К. Депутатов, 1919.
9. Кетлинская, В. Здравствуй, молодость / В. Кетлинская // Новый мир. – 1975. – №11.
10. Коммуна. 1923. – 4 мая.
11. Луначарский, А.В. Воспоминания и впечатления / А.В. Луначарский. – М.: Советская Россия, 1968.
12. Мазаев, А.И. Художественная среда революционной эпохи / А.И. Мазаев // Декоративное искусство СССР. – 1977. – №11.
13. Малышева, С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927) / С.Ю. Малышева. – Казань: Рутен, 2005.
14. Мальков, П.Д. Записки коменданта Кремля / П.Д. Мальков. – М.: Воениздат, 1987.
15. Окунев, Н.П. Дневник москвича (1917-1924) / Н.П. Окунев. – Париж, 1990.
16. Полищук, Н.С. У истоков советских праздников / Н.С. Полищук // Советская этнография. – 1987. – №6.
17. Попов, Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий / Ф.Г. Попов. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1972.
18. Рюмин, Е. Массовые празднества / Е. Рюмин. – М.; Л., 1927.
19. Солдат, рабочий, крестьянин. – 1918. – 1, 3 мая.
20. Тодорский, А. Год – с винтовкой и плугом / А. Тодорский. – М., 1956.
21. Фролова, А.В. Трансформация праздничной культуры русских Архангельского Севера в XX – начале XXI вв. / А.В. Фролова // Этнографическое обозрение. – 2006. – №6.
22. Чистов, Б.Н. Первые шаги партийного строительства в Симбирске / Б.Н. Чистов // За власть Советов. Воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии. – Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1967.
23. Шелавин, К. 1 Мая в России / К. Шелавин. – Пг.: Прибой, 1923.
24. Яров, С.В. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. / С.В. Яров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.

М.К. Dekanova

THE PERCEPTION OF THE SOVIET FESTIVE CULTURE IN 1920-s

The article focuses on public perception of Soviet festive culture in 1920-s on the base of published resources, press materials and archive documents. «Red» revolutionary holidays were not equally valued by the population: polar opinions could be witnessed, swinging from total approval to full negation. Possible causes of such a variety of opinions, as well as their characteristics and analysis are presented in this work.

Key words: Soviet festive culture, festive calendar, public opinion.